

УДК 328.185:316.624
ББК Ю953.2

ГСНТИ 15.81.21

Код ВАК 19.00.07

Смирнов Александр Васильевич,

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 364; e-mail: k-66756@planet-a.ru.

КОРРУПЦИЯ КАК ПОЛИФАКТОРНЫЙ ФЕНОМЕН

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коррупция, коррупционное поведение, девиации, социальная нормативность, аддикция, аддиктивное поведение, полифакторность.

АННОТАЦИЯ. Анализируя направления исследований коррупционного поведения, автор делает вывод о полифакторности этого феномена и указывает на необходимость поиска обобщающего основания. Таким основанием может являться девиантное поведение. Обосновывая полифакторность девиантного поведения, автор делает вывод о сходстве коррупционного и аддиктивного поведения. Выдвигается теоретическое предположение о едином психологическом содержании базовых компонентов аддиктивного и коррупционного поведения в структуре индивидуальности.

Smirnov Aleksandr Vasilievich,

Candidate of Psychology, Associate Professor of Department of Social Psychology, Conflictology and Management, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

CORRUPTION AS A POLYFACTORIAL PHENOMENON

KEY WORDS: corruption; corrupt behavior; deviation; social normativity; addiction; addictive behavior; polyfactoriality.

ABSTRACT. By analyzing the research areas of corrupt behavior, the author concludes that it is a polyfactorial phenomenon, and specifies the need of searching for its origin. The origin may be found in deviant behavior. Substantiating polyfactorial nature of deviant behavior, the author concludes that corruption and addictive behavior have many common features. He sets out a theoretical assumption that the similarity of psychological content of basic components of addictive behavior and corruption lie in the structure of individuality.

1. Основные направления в изучении явления коррупции

Тема коррупции по-прежнему активно обсуждается в широкой печати, обнаруживаются все новые грани этого явления [1; 22; 12]. Коррупция не только наносит мощный удар по экономике страны, тормозя ее развитие [11; 17; 2121], но и, по некоторым оценкам, непосредственно угрожает ее безопасности [20]. Вполне понятно, что такая острая тема вызывает интерес у научной общественности, в частности вопрос этиологии коррупционного поведения.

Обращение к ресурсам информационного научного портала www.elibrary.ru показало, что на сентябрь 2014 года по теме коррупции написано более 3000 научных статей (запрос «коррупция», «коррупционное поведение»). В подавляющем большинстве первоисточников *коррупция понимается как поведение должностного лица, направленное на получение личной выгоды, путем злоупотребления служебными (властными) полномочиями* [3; 5]. Анализ материалов показал наличие следующих направлений в изучении коррупции (по данным 3291 статьи):

- социально-экономическое – 42,5% статей;
- социально-психологическое – 27% статей;

- культурологическое, культура деловых отношений – 14,5%;

- персонологическое – 14,3% статей;

- ситуативные факторы – 1,7% статей;

В рамках социально-экономического направления анализу подвергаются социально – экономические условия жизнедеятельности потенциального и реального коррупционера. *Главный акцент здесь делается на выявление конфликтов между социально-экономическим статусом работника и социально-экономическими показателями среды, в которой проходит его профессиональная деятельность.* Среди них выделяют следующие [13].

1. Несоответствие заработной платы работника объему и сложности выполняемой деятельности, когда зарплата несравненно ниже энергозатрат работника. Коррупционная доходность становится «компенсацией тяжелого труда».

2. Большая разница между минимальной и максимальной заработной платой. Наличие в профессиональной среде лиц с гораздо более высоким уровнем материального благосостояния, тем более, когда известно, что оно достигнуто за счёт коррупционной и иной криминальной деятельности (мотив зависти и снятия табу «если им можно, почему мне нельзя»).

3. Конфликт заработной платы и прежнего высокого материального уровня жизни.

4. Культурное давление референтной социальной группы, требующее соответствия для сохранения высокого социометрического статуса.

5. Прямая пропаганда идеалов обогащения. В этих условиях госслужба рассматривается, например, как «доходное место», «просто бизнес», прибавочная стоимость при котором добывается за счет использования финансового, информационного и административного ресурсов государства.

Анализ перечисленных факторов показывает, что хотя в основе лежат экономические детерминанты, сущность конфликтов составляют, все же, психологические феномены – дефицитарность поощрения, зависть и самооправдание, тщеславие и неспособность противостоять групповому давлению, деформация моральных ценностей, слабость этической цензуры и т. д.

Поэтому сторонники **социально-психологического направления** направляют усилия на *изучение социально – психологической мотивации и условий коррупционного поведения, а также на изучение отношения коррупционеров к коррупции* [3; 5]. Здесь выделяются следующие факторы [5, с. 11-12].

1. Толерантность – отношение к коррупции как к повсеместному нормальному, неискоренимому и неизбежному явлению.

2. Феномен осуждения в массовом сознании лишь запредельных размеров взяток, при условии, если они «непропорциональны» должности коррупционеров (когда берут «не по чину»), а не самого акта коррупции.

3. Система двойных стандартов. Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается не как коррупция, а как вынужденный ответ на объективные обстоятельства. В то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное.

Коррупционное поведение связывается также с феноменом отчуждения, который рассматривается как объективный процесс превращения деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему [6; 8], которая является исторически развивающейся «*формой опредмечивания человеком своих способностей и связано с овеществлением и фетишизацией социальных отношений*» [6]. Процесс отчуждения является неизбежным в тех обществах, где появились деньги или их эквиваленты, а вместе с ними появляется социальное расслоение на группы, страты и классы, кото-

рые часто являются антагонистичными. Отчуждение выражается «*в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих социальных групп и классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда... Отчуждение получает и определённое психологическое выражение в сознании индивида (разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувство изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т.п.)*» [6]. Таким образом, появление коррупционных форм поведения также неизбежно, как и неизбежен сам процесс отчуждения.

Культурологическое направление рассматривает коррупцию в нескольких аспектах. *Коррупция и социогенез*. Коррупция как продолжение и проявление традиции «задабривания» тотемного божества, когда в коллективном ритуальном акте подношения даров, благодаря феномену партиципации [9, с. 73-79] в сознании индивида стираются границы и противоречия между явлениями и объектами бытия. Партиципация представлена в форме духовной связи и является выражением тождества сущностей явлений, объектов, событий и т. д. Совершая ритуал поклонения лесному божеству перед охотой, партиципируя с ним, охотник тем самым не просто просит божество быть благосклонным, а обретает свойства и качества этого божества, которые позволяют сделать охоту легкой, а добычу богатой. В переводе на ситуацию с коррупцией можно сказать, что «даритель», «даруя дар» буквально снимает возникающие противоречия и пытается обрести те возможности, которыми обладает чиновник.

Определение культурных показателей коррупции – выделение и изучение параметров культуры, которые способствуют перманентному существованию коррупции [12]. Наиболее часто используются параметры измерения культуры, предложенные Гиртом Хофстедом [12]:

- «*коллективизм – индивидуализм*» – ориентация на коллективистские или индивидуалистические ценности, или мера, в которой жизненные решения личности определяются группой, к которой он себя относит (семьей, кругом друзей, коллегами). В коллективистических культурах люди, как работающие в частном секторе, так и находящиеся на государственной службе, склонны нарушать законы и формальные правила в тех случаях, когда они противоречат, с их точки зрения, традиционным нормам и ценностям [12].

- «*дистанция власти*» – мера согласия наименее обеспеченных статусом и властью людей с тем фактом, что власть распределена неравномерно. В культурах с высокой дистанцией власти зависимость подчиненных от руководства принимает форму патернализма, при которой подчиненные получают поддержку взамен на лояльность. Такие системы благоприятствуют развитию коррупции в виде nepoтизма и фаворитизма. Желание продемонстрировать лояльность как абсолютное условие успеха не позволяет подчиненным критически отнестись к коррупционному поведению руководства. Представители культур с высокой дистанцией власти относятся к коррупции с большей терпимостью, чем представители стран с низкой дистанцией власти [12].

- «*маскулинность – фемининность*» – мера ориентации на материальный успех и личные достижения, в противоположность стремлению поддержать теплые, гармоничные отношения с окружающими. Готовность к коррупционной сделке мотивируется стремлением к материальному обогащению. Ориентация культуры на материальный успех снижает чувствительность к этической стороне бизнеса и тем самым облегчает заключение сделки для обеих сторон [12].

- «*избегание неопределенности*» – коррупционная сделка может рассматриваться как средство снижения неопределенности. Неопределенность или противоречивость информации снижает чувствительность к этическим дилеммам бизнеса.

- «*долговременность связей*» – ориентация партнеров коррупционной сделки на долговременные отношения и их забота о будущем должны возрастать в прямой зависимости от ранга чиновника и величины бизнеса [12].

Изучение роли культурных традиций, способствующих коррупции. Здесь выделяют следующие факторы [5, с. 12-15].

1. Приоритет неформальных социальных отношений над формальными. «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами...».

2. Клановость, кумовщина. «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг».

3. Устойчивость приоритета личных интересов чиновника над производственными, и тем более, над государственными при возникновении ситуации конфликта интересов.

4. Апелляция к ресурсам власти при возникновении трудных жизненных ситуаций, вместо использования нормативных

регуляторов и механизмов принятия и реализации решений (часто такие регуляторы отсутствуют).

5. Взятка как рациональный инструмент решения проблем отечественной рыночной экономики.

6. Феномен коррупционных сетей – построение коррупционных структур как коррупционных вертикалей с круговой порукой. Субъективное восприятие риска коррупции снижается, если нижестоящий делится взяткой с начальством.

7. Размытость границ между собственно взяткой и благодарностью.

8. Выгодность коррумпированности чиновников, которая усиливает их управляемость со стороны власти [5, с. 16].

Персоналогическое направление осуществляет поиск психологического портрета коррупционера, оперируя следующей системой координат при сравнении идеального и коррумпированного служащего.

«*Коррупционное давление* – совокупность социальных и психологических факторов воздействия на должностное лицо, приводящих к ситуации выбора между злоупотреблением властными полномочиями для получения личной выгоды или отказу от него» [3, с. 131].

«*Антикоррупционная устойчивость* – системное свойство личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего» [3, с. 131].

«*Склонность к коррупции* – личностная предрасположенность к выбору коррупционного поведения в ситуации коррупционного давления» [3, с. 131].

Склонность к коррупции (равно как и антикоррупционная устойчивость) понимается как интегральное свойство личности, в генезисе которого лежит отношение к коррупции, преломленное сквозь призму ценностно-смысловых, когнитивных и эмоционально-волевых детерминант, которые, через механизмы «отчуждения» и «идентификации» приводят соответственно либо к антикоррупционной устойчивости, либо к склонности к коррупции [3, с. 133-134].

В случае формирования склонности к коррупции это определяет такие особенности психологического портрета коррупционера: ценность богатства как значимого дескриптора осмысленности жизни; доминирование ценностей материальной и личной выгоды; наличие двойных моральных стандартов; стремление эксплуатировать социум как источник различных благ для себя; дефицитарность самодостаточности и свя-

званная с ней полезависимость (ориентация на ценности референтных групп), следствием чего является постепенный отход от социальных ценностей и наступление социального отчуждения и оппозиционности; слабость волевой регуляции поведения и сформированность позитивного отношения к коррупции [3, с. 132-134].

«Ситуативное» направление в изучении этиологии коррупционного поведения исходит из доминирующей роли «давления социальной ситуации» на потенциального или действующего коррупционера, провоцирующего коррупционный акт [13], однако психологические механизмы самого коррупционного поведения при таком ситуативном давлении не раскрываются.

2. Коррупция как девиантное поведение

Закон нормальности распределения (закон Гаусса) указывает на то, что если коррупция как явление существует, значит, она является результатом случайного взаимодействия большого множества независимых факторов, каждый из которых, так или иначе, участвует в формировании, развитии и сохранении феномена коррупционного поведения.

Однако, представленные направления в изучении коррупции, показывают, что они стоят на различных методологических позициях, имеют свою узкую предметную область в изучении коррупционного поведения и исследуют только «свою часть» феномена, в связи с чем, по-разному представляются этиологические факторы коррупции. Только кратко изложенный выше материал уже позволяет насчитать более 30 этиологических детерминант коррупции. Создается реальная угроза начала процесса их бесконечного «коллекционирования». В изучении феномена коррупции становится очевидной необходимость поиска обобщающего основания, учитывающего эту полифакторность.

Все точки зрения сходятся в одном – коррупционное поведение – это явное девиантное поведение, нарушающее устойчивость социума. Таким образом, именно девиантное поведение, также полифакторное по природе [10], может быть той интегративной категорией, на основе которой могут строиться исследования коррупции.

С точки зрения системного подхода девиантное, а следовательно, коррупционное поведение, может быть результатом «сбоя» на любом из уровней индивидуальности человека. Так, с точки зрения эволюционной психологии и этологии коррупционное поведение может быть результатом нарушения нормальных инстинктов: выбора и обустройства гнезда; мечения территории;

демонстрации преимуществ своего места в иерархии; пищевого; охотничьего; накопления запасов; образования социальных групп [4; 16]. **Генетическое направление исследований** показывает, что за сбоем работы нормальных инстинктов всегда стоит мутация генетических структур. Материалы OMIM & John Hopkins University NCBI Laboratory показывают, что за девиантным поведением стоят различные мутации в 1058 генах (данные на 27.09.2014) [22]. **Направление нейробиологии и нейропсихологии** постулирует, что в основе любых форм девиантного поведения лежит нарушение функций и метаболизма нейротрансмиттеров. Это нарушение определяется, либо избытком нейромедиаторов, либо их дефицитностью, либо дефектом синапсов, что ведет к доминированию лимбического, нейрогормонального, а не кортикального механизма регуляции поведения [14; 17]. **Глубинно-психологическое направление** в качестве детерминант девиантного поведения рассматривает широкий спектр конфликтов и особенностей наследуемой побудительной сферы [15]. К какой же известной форме девиантного поведения ближе всего стоит коррупционное поведение?

3. Коррупция как аддикция

В работах по юридической психологии довольно часто встречается сравнение коррупционного поведения с аддиктивным поведением, в частности с адренолиноманией [5]. Адренолиноманию можно определить как побуждение к созданию, поиску, повторению ситуаций, опасных для жизни, с целью получения от этого удовольствия. Удовольствие получается от переживания и последующего преодоления страха и иных острых ощущений в ситуации прямой опасности [18, с. 95].

Данные об особенностях саморегуляции потенциальных коррупционеров, полученные О. В. Ванновской (2011) в ходе создания модели отношения к коррупции и данные О. В. Кружковой (2012) об особенностях защитного поведения у представителей различных референтных групп, содержательно близки нашим, более поздним данным (2013, 2014) в отношении лиц с аддикциями [3; 7; 17; 18]. Это позволяет говорить о том, что базовые психологические компоненты коррупционного поведения вероятно идентичны базовым психологическим компонентам аддиктивного поведения в структуре индивидуальности.

Поясним, что базовые психологические компоненты аддиктивного поведения были выделены в ходе исследования различных типов индивидуальности одновременно на глубинно-психологическом, психофизиологическом, личностно-психологическом, социально-психологическом и культурно-

информационном уровнях и являются интегрированными проявлениями аддиктивной индивидуальности. Эти компоненты (см. таблицу 1) образуют структуру *индивидуальности аддиктивного типа* и за счет связей составляющих их элементов, способствуют развитию, актуализации и поддержанию соответствующего этому типу индивидуальности поведения, определяют степень его социальной включенности и адаптации к культурному давлению, проявляя жизненную стратегию «гедонизма» [18].

Содержательный анализ известных проявлений аддиктивного и коррупционного поведения, позволяет заключить, что социально-негативные проявления базовых компонентов аддиктивного поведения в структуре индивидуальности вероятно идентичны или содержательно близки проявлениям базовых компонентов коррупционного поведения (которые обсуждаются пока теоретически). Они представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Социально негативные проявления аддиктивной индивидуальности как возможные проявления коррупционной индивидуальности

Проявления индивидуальности	Компоненты индивидуальности
Побуждение и готовность к преодолению границ и норм	Когнитивный
Ведомость, слабый самоконтроль поведения	Регуляционный
Конфликт со средой (любой модальности)	Реляционный
Социальная оппозиционность	Интенциональный
Недоверие к людям, капитализация как ведущее Эго-стремление	Суффициальный
Конфликтность	Коммуникативный
Гедонизм, инфантилизм, регрессивность	Аффективный

В заключение отметим, что хотя наше предположение еще нуждается в эмпирическом подтверждении (опровержении), перечисленные проявления индивидуальности

уже могут быть использованы в качестве критериев потенциального коррупционера при кадровом отборе.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Антонян Ю. М. Типология коррупции и коррупционного поведения. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>.
2. Айрапетян Э. С. Причины и условия, порождающие коррупцию в Российской Федерации в современных условиях // Актуальные вопросы юридических наук : мат-лы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2012. С. 68-71
3. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №102, С. 323-328.
4. Ворошилин С. И. Психогенетический и этологический подходы к классификации нехимических (поведенческих) зависимостей // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире : сб. науч. тр. / отв. ред. С. А. Минюрова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. № 2. С. 59-76.
5. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная и юридическая психология 2012. № 1. С. 8-21.
6. Иванова С. И. Онтологический смысл феномена отчуждения человека в мировой философии // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: www.science-education.ru/106-7321.
7. Кружкова О. В. Диспозиции защитного и совладающего поведения в контексте индивидуальных особенностей личности // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2012. № 9. С. 175-183.
8. Культурология: учеб. пособие / ред. А. А. Радугин. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/lectures-radugin/index.htm>.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
10. Мельникова М. Л. Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2007.
11. МВД оценило ущерб от коррупции в 2013 году в 21 млрд. рублей // ВЗГЛЯД. 2013. 9 дек. URL: <http://www.vz.ru>.
12. Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. № 4 (1) 2002. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine>.
13. Правовые и организационные формы борьбы с коррупцией в системе государственной службы : метод. и информ. мат-лы для лиц, включенных в резерв управленческих кадров Ставропольского края на должность руководителей ГУП СК / Мин-во дорожного хозяйства и транспорта Ставропольского края. 2014 URL: <http://dorongisk.ru>.
14. Савельев С. В. Изменчивость и гениальность. М. : ВЕДИ, 2012.

15. Смирнов А. В. Глубинно-психологические компоненты предрасположенности к аддиктивному поведению в структуре интегральной индивидуальности // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 12. Психология, социология, педагогика. 2010. № 3. С. 214-224.
16. Смирнов А. В., Прядеин В. П. Аддиктивное поведение с позиций эволюционно-этологического подхода // Научный диалог. Серия: Педагогика, психология. Екатеринбург. 2012. № 1. С. 84-96.
17. Смирнов А. В. Особенности саморегуляции лиц с зависимостями // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 12. Психология, социология, педагогика. 2013. № 1. С. 52-61.
18. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения : монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014.
19. Степашин: Ежегодно из средств на госзакупки похищают триллион // ВЗГЛЯД. 2013. 14 нояб. URL: <http://www.vz.ru>.
20. Супер Е. В. «Почему Запад против борьбы с коррупцией». URL: <http://www.russia.ru>.
21. Ущерб от коррупции в России в 2013 году превысил 26 миллиардов рублей. URL: <http://www.km.ru>.
22. OMIM / John Hopkins University NCBI Lab. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/Omim/>.

Статью рекомендует д-р пед. наук, проф. С. А. Днепров.